

Преступление и наказание

Военные преступления в Украине должны быть расследованы, виновные наказаны. Это – моральный долг и вопрос репутации международного права.

Призывы расследовать военные преступления, особенно против мирного населения в Украине, звучат все громче. Отрицания Кремля какой-либо ответственности по-прежнему неправдоподобны и циничны. При этом проблем с документированием преступлений нет. По мере доступа к освобожденным территориям украинские власти опрашивают свидетелей на местах, собирают доказательства и проводят вскрытие тел, в том числе извлеченных из мест массовых захоронений. 23 мая суд Киева вынес первый пожизненный приговор взятому в плен российскому военнослужащему, который открыл стрельбу из автомобиля по мирным гражданам.

Местные и международные неправительственные организации и средства массовой информации также вносят вклад в сбор документальных доказательств. Проверяются записи видеонаблюдения. Благодаря спутниковым снимкам получены доказательства нападений на гражданские объекты, а также обнаружены тела погибших. Это опровергает обвинения в «инсценировке». В Германии опрашиваются беженцы в рамках расследования, проводимого Федеральной генеральной прокуратурой. В этой работе задействована не только криминальная полиция, но и разведывательная служба. Так, например, разведка путем радиоперехвата получает доказательства ответственности российской армии и спецслужб.

В ходе судебных процессов возникнут прежде всего две проблемы: доказать в суде личную ответственность за запланированные и

Российских военных обвиняют в атаках на жилые дома, школы, больницы, театры, торговые центры и вокзалы. Если объекты используются в гражданских целях, то, согласно международному праву, их атаковать нельзя. Обстрелы во время эвакуации мирного населения по коридорам безопасности также запрещены. Не менее преступной является депортация людей,

*систематические
преступления и поймать
главного виновника*

спасающихся бегством, на вражескую территорию. Многие украинские военнослужащие из Мариуполя опасаются за свою жизнь в российском плену. Вооруженным силам Украины также ставятся в вину применение физического насилия и убийства военнопленных. Обвинения в том, что Россия применяет химическое или биологическое оружие, пока что не получили независимого подтверждения.

В ходе последующих судебных процессов – будь то в Украине, Германии или Гааге – возникнут, главным образом, две проблемы. Во-первых, нужно доказать персональную ответственность спланированных и систематических преступлений по всей политической и военной цепочке; и, во-вторых, задержать главного виновника.

Для этого необходимо глубокое понимание процессов в политическом и военном руководстве России. Пока у власти будет оставаться Путин, это маловероятно. Во время Нюрнбергского процесса по делу об айнзацгруппах удалось быстро осудить обвиняемых благодаря тому, что нацистский режим сам скрупулезно фиксировал свои злодеяния и был доступ к делам. А судебные процессы Международного трибунала по бывшей Югославии показали, насколько трудными, длительными и затратными являются усилия по установлению исторической правды.

В Международном уголовном суде (МУС) создан постоянный трибунал, позволяющий выносить приговоры по обвинениям в военных преступлениях, преступлениях против человечности, а также геноциде и агрессии. Это возможно при выполнении одного из трех условий: преступления совершаются на территории государства – члена МУС, гражданами одного из государств-членов или же дело передается в суд Советом Безопасности ООН.

*Международный ордер на
арест Путина ограничил
бы его возможности
передвижения из-за
постоянной угрозы
экстрадиции в*

МУС может выдавать ордера на арест и полагаться при этом на поддержку стран ЕС. В международном праве вопрос иммунитета действующих глав государств является весьма спорным, но в уставе МУС он не предусмотрен. В 1999 году Международный трибунал по бывшей Югославии обвинил Слободана Милошевича в геноциде еще во

*соответствии с
обязательствами,
взятыми 123 странами
– членами МУС*

время его пребывания в должности президента. Его выдали суду только после отставки. МУС выдал ордер на арест Омара аль-Башира, действующего в то время президента Судана, за преступления во время конфликта в Дарфуре. Но диктатор не был экстрадирован даже после его свержения в 2019 году. Международный ордер на арест Владимира Путина в любом случае ограничил бы его возможности передвижения из-за постоянной угрозы экстрадиции в соответствии с обязательствами, взятыми 123 странами – членами МУС. Однако заставить их сделать это невозможно.

Это говорит о другой ключевой проблеме: ограниченной сфере действия МУС. Международный уголовный суд не является частью ООН, он основан на Римском статуте как особом международном договоре. Его главная идея – избежать безнаказанности за тяжелейшие преступления против человечества. Лица, несущие наибольшую ответственность, должны быть осуждены, даже если этого не в состоянии сделать национальная судебная власть. Все это должно оказать сдерживающее воздействие. Но не все страны готовы к принятию политических решений по признанию этой юрисдикции. К ним также относятся члены Совета Безопасности ООН: Россия, Китай и США. Хотя государства могут признавать юрисдикцию МУС ad-hoc, то есть в случае конкретного конфликта. Так поступила Украина в 2014 году в связи с аннексией Крыма, благодаря чему уже идет расследование, которое расширено и на нынешний конфликт.

Международные уголовные процессы выполняют преимущественно три важные функции: привлечение к ответственности конкретных лиц и возмещение ущерба пострадавшим, расследование преступлений после конфликта и предотвращение преступлений в будущем благодаря сдерживающему влиянию.

Чтобы усилить сдерживающую функцию, еще в середине марта главный прокурор Международного уголовного суда Карим Хан побывал на границе между Польшей и Украиной и подчеркнул, что МУС может привлечь ответственных за нападения на мирных жителей и гражданские объекты. Тем самым был дан четкий сигнал, что безнаказанность не пройдет – даже если российское руководство считает, что победит в войне и приведет к власти марионеточное

правительство, которого нечего опасаться. Но, несмотря на это важное послание, военные преступления совершаются и дальше.

Это отражает недостаточную глобальную политическую поддержку суда: число членов этой судебной инстанции стагнирует. Более того, Бурунди и Филиппины снова вышли из его состава в знак возмущения расследованиями в своих странах, хотя это не может остановить уже ведущиеся расследования. Сильные державы пытаются защитить себя и своих союзников от уголовного преследования. Особенно разница во влиянии заметна в Совете Безопасности ООН, когда решается вопрос о том, какие случаи следует передать на рассмотрение МУС. В то же время совершаются новые преступления, по которым звучат громкие призывы об установлении справедливости, особенно со стороны гражданского общества. Соответственно число дел, расследуемых МУС, постоянно растет. Причем в географическом отношении ему приходится концентрировать свое внимание не только на Африке, как это было ранее, а на всем мире – в частности, Палестине, Грузии, Венесуэле, Афганистане или Бангладеш/Мьянме.

Еще одним вызовом стала стагнация не только численности государств-членов, но и бюджета, который, как правило, ими обеспечивается. Суд оказывается не в состоянии довести до конца все расследуемые дела.

Германии следовало бы откликнуться на призыв МУС о выделении дополнительных средств и делегировании сотрудников для расследования войны в Украине, а также выступить за его широкую поддержку. Ведь символический эффект расследований заключается в укреплении норм международного права и противодействии любым формам попустительства.

Еще один вызов для МУС состоит в стагнации не только количественного состава стран-членов, но и бюджета

Международный правопорядок связан с политикой. Следовательно, международное право, равно как и его соблюдение и реализация, глубоко политизировано. Его правила постоянно пересматриваются и проверяются на прочность. Не исключены шаги назад. Такие страны, как Россия и Китай, бросающие вызов этому порядку, интерпретируют закон по-своему, пытаются представить юридическое обоснование своих действий.

Украина использует все юридические средства для противостояния

этому. В качестве примера можно привести ее обращение в Международный суд ООН, уполномоченному рассматривать дела, связанные с Конвенцией о геноциде. Суд не обнаружил доказательств, оправдывающих агрессию, и потребовал немедленно прекратить боевые действия. После этого Россия перестала выдвигать геноцид в качестве аргумента, оправдывающего нападение на Украину. То есть она лишилась важной основы для легитимации своих действий. Однако агрессия не прекращается.

Кризис политических институтов и мировой политики очевиден. И все же отпевать международное право как воплощение действующего порядка, в котором запрещено насильственным путем менять границы или безнаказанно совершать военные преступления, слишком рано. До тех пор пока международное сообщество будет осуждать такие действия, действующие правила и нормы будут становиться лишь сильнее. А вот любое воздержание от голосования или голос «против» укрепляет систему безнаказанности. Поэтому и впредь нужна активная поддержка любых усилий по соблюдению действующего уголовного права, публичному осуждению военных преступлений и защите международного права. Важным символическим элементом этих усилий является презрительное отношение к использованию военной силы в качестве средства урегулирования отношений между государствами, даже если это ведет к изменениям в геополитической расстановке сил и в союзах.

Дойдет ли в конечном счете дело до осуждения российского руководства и когда это произойдет – дело второстепенное. По мере развенчания политики дезинформации репутационные потери, а также потери внутренней и внешней легитимности будут расти. Политическая изоляция России в сочетании с экономическими и военными потерями может сделать урегулирование путем переговоров более привлекательным, а также сдержать тех, кто не прочь последовать этому примеру. В то же время необходимо оказывать Украине максимальную и постоянную поддержку.

Патриция Шнайдер

Гамбург

Д-р Патриция Шнайдер (Patricia Schneider) – научный сотрудник
Института исследований проблем мира и безопасности Гамбургского
университета. Она координатор и преподаватель у магистров,
исследующих проблемы мира и безопасности.

